

КРУГЛЫЙ СТОЛ

УДК 378

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОЖИДАЕМЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ»

Аннотация

На круглом столе участники обсудили ряд вопросов, касающихся организационных и содержательных аспектов текущей реформы образования. Отмечено, что цель преобразований формулируется либо неопределенно, либо чисто негативно. Анализ ситуации показывает, что никто из крупных игроков в образовательном процессе не готов установить четкие «правила игры», а значит, не хочет подлинного реформирования образования. Анализ стратегии, определяющей направление нынешней реформы, показывает, что она не предусматривает концентрации ресурсов на решении проблем образования и науки, не считая шести вузов, которые получают приоритетное финансирование на реализацию экспериментальных программ. Подчеркнуто, что это несопоставимо с уровнем стоящих перед обществом задач в образовательной сфере, не говоря уже о том, что выбор этих вузов закрепляет неравенство европейских и зауральских вузов. Отмечается очевидная недооценка гуманитарных дисциплин и философии. И здесь ключевой вопрос состоит в том, должна ли система образования давать системные знания, либо она может быть выстроена так, чтобы формировать некие отдельные компетенции. Кроме того, необходимо понять, и это является исключительно важной проблемой: как система образования должна формировать национальное сознание. Участники обсуждают вопрос, должна ли она выстраивать антропологическую модель русской цивилизационной культуры или продолжать формировать индивидуалистические ценности в духе европейского рационализма. Ведь не случайно возникли серьезные мировоззренческие проблемы, которые потребовали новых курсов в школе и курса «Основ российской государственности» в вузах. Главный вывод, который следует из обсуждения: предлагаемые преобразования никак не соответствуют масштабам необходимой реформы и не принесут требуемых обществом результатов.

Ключевые слова: образовательная реформа, ценностные основы культуры, национальное сознание, гуманитарные дисциплины, роль философии.

Библиографическое описание для цитирования:

Круглый стол «Ожидаемые результаты образовательной реформы» // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 3, ч. 2. – С. 436–455.

Круглый стол «Ожидаемые результаты образовательной реформы» прошел онлайн 17 мая 2022 года. В дискуссии приняли участие д-р филос. наук Э.В. Барбашина, д-р филос. наук О.А. Донских (модератор), д-р филос. наук Р.А. Заякина, д-р экон. наук В.И. Клисторин, д-р искусствоведения К.М. Курленя, д-р филос. наук Л.Ю. Логунова, д-р филос. наук Н.И. Мартишина, д-р филос. наук В.И. Разумов, д-р филос. наук С.И. Черных, д-р филос. наук В.В. Чешев.

Донских Олег Альбертович. Тема нашего круглого стола «Ожидаемые результаты образовательной реформы» связана с реформированием национальной системы образования по Указу Президента РФ от 12 мая 2023 года. Реформа объявлена, она должна заработать с 2025 года. Из того, что объявлено, обсуждался вопрос о количестве лет обучения, как понимать магистратуру, как понимать бакалавриат, нужно ли возвращать специалитет на многих специальностях и т. д.

В конечном итоге был представлен некоторый результат. С моей точки зрения, он связан только с переименованием и количеством лет обучения. Что меня особенно насторожило: у нас есть общее высшее образование, профессиональное высшее образование и третья ступень образования – аспирантура, которая опять попала в систему образования. Нас утешают тем, что это не означает возврат к тому, что только что поменяли. Но как вы яхту назовете, так она и поплывет...

Я понимаю, что от наших обсуждений зависит немного. Но я убежден, что профессиональное сообщество в любом случае должно как-то реагировать. Наш круглый стол – это продолжение того, о чем мы писали в монографии¹, тех тем, которые мы там поднимали и продолжаем обсуждать.

Я предлагаю высказаться каждому.

Чешев Владислав Васильевич. Задача возвращения к национально ориентированному образованию довольно легко решается в области естественно-научной и инженерной. Но в сфере общественных наук, в философии необходимы содержательные усилия, т. е. требуется обществоведение, отражающее национальные проблемы развития и национальную ментальность. Я бы хотел высказаться о том, какая проблема должна быть центральной в том, что я называю национальным самосознанием, или «национализацией философии».

Сегодня у нас часто говорят: «русская идея», «национальная идея», но такая идея не изобретается интеллектуалами, она с необходимостью реализуется историей. Вопрос не в том, чтобы ее искать; вопрос в том, чтобы

¹ Коллективная монография «Современное российское образование: вызовы и ответы». – Новосибирск: НГУЭУ, 2023 г.

понять и выразить ее, исходя из фактов культурно-исторического развития России. Главное здесь в том, что русская философия и мировоззрение в целом должны строиться как цивилизационное самосознание. В основе цивилизационного самосознания России лежит самосознание русской культуры. В этом нет никакого национализма, просто исторически она его ядро.

Обретение самосознания в обществоведении должно начинаться с философии, потому что она есть высший этаж рефлексии культуры. То, что усваивается через философскую онтологию и антропологию, входит во все другие сферы обществоведения. Поскольку философия в конечном счете обращена к человеку, то философская антропология, построение теоретического образа человека является первой важнейшей философской задачей. В культуре образ человека есть всегда, но сегодняшняя культура разбита, и в ее обломках мелькают самые разные образы. Философский образ человека – это теоретическая модель для самосознания. Онтология, которой пользуется философия, так или иначе «подпирает» этот антропологический образ.

При построении концепции человека для нас важно ключевое различие между европейской культурой и русской культурой, которое должно быть отражено в философской антропологии. У В.С. Соловьева есть суждение, что европейская культура исчерпала свой созидательный потенциал, последовательно осуществив историческую модель индивидуализма, за что ей можно сказать спасибо. Россия реализуют другую антропологическую модель, и поэтому единая культурная Европа от Лиссабона до Владивостока – это миф. Россия историческая реализует модель общинного человека и, соответственно, общинный принцип организации жизни. Слово «общинный» у нас затерто, при его употреблении всплывает образ архаической крестьянской общины. Но дело не столько в типе организации, сколько в типе поведения. Некоторые историки говорят, что русская культура человеческих отношений начиналась с поземельной территориальной общины, а в ней совсем другие отношения, чем в родовой или какой-то иной. Ю.Ф. Самарин полагал, что общинное начало есть грунт, суть русской истории. Отказ от него есть выход из русской истории, несущий ей угрозу гибели.

Моя мысль в том, что общинное начало – это начало всечеловеческое. Если России пришлось это начало развивать и отстаивать, то не в силу мессианского упрямства, Это выбор истории, какой-то нашей заслуги в этом выборе нет. Заслуга есть в следовании выбору. Подчеркну, что нет индивидуального и общинного начала в отдельности друг от друга, речь идет о культурной доминанте. Сегодня эта культурно-историческая доминанта должна находить свое выражение в перестройке общественных наук,

при которой от философии требуется фундаментальная теоретическая работа.

При построении актуальной философской антропологии, альтернативной концепции самодостаточного индивида европейского Просвещения нельзя ограничиться фактами русской истории. Необходимо обратиться к исследованию оснований социогенеза. В социогенезе возникает противоположность общинного и индивидуалистического принципов поведения. Осознание оснований социогенеза позволяет прийти к простой мысли о том, что именно общинное начало есть своего рода культурно-видовая программа человечества. В ней рождается всечеловеческая мораль, в ней его спасение.

Еще раз замечу, что философская антропология – это теоретическая база, которая должна питать другие общественные дисциплины.

Клисторин Владимир Ильич. По поводу Указа Президента РФ от 12 мая текущего года важно понять, что там написано. Его название «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» показывает, что речь идет не о реформе. В пункте 10 Указа написано: «Финансовое обеспечение расходов, связанных с реализацией пилотного проекта, осуществлять в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных Министерству науки и высшего образования и Министерству просвещения в федеральном бюджете на соответствующий финансовый год и плановый период». Таким образом, речь идет о пилотном проекте, который будет финансироваться за счет уже имеющихся ресурсов. Если же заглянуть в бюджет на 2023 год и на последующие 2 года, то увидим, что расходы на образование сокращаются.

Один из главных принципов стратегии – это концентрация ресурсов на главном направлении. Здесь же концентрации ресурсов на решение проблем образования и науки не предусматривается. Следовательно, это нечто периферийное. Впрочем, предполагается некая концентрация ресурсов в рамках пилотного проекта, и 6 вузов что-то получают для того, чтобы внедрить эту пока еще неопределенную систему.

Напомню, что в 70–80-х годах было модно проводить так называемые широкомасштабные эксперименты в отдельных отраслях и предприятиях: расширение хозрасчета, бригадный подряд, движения маяков и т. д. Была масса таких экспериментов. Все они были *названы* удачными в том смысле, что говорилось, что всё задуманное получилось, но реально это всё заменялось другими экспериментами. Каждый из экспериментов предполагал, что концентрируются какие-то дополнительные ресурсы в небольшом числе хозяйств. И эти хозяйства начинали процветать.

Боюсь, что и сейчас дополнительные ресурсы будут переброшены в эти 6 вузов, эксперимент будет признан удачным, и на этом всё будет за-

кончено. Я не вижу здесь какой-то стратегической задачи. Ресурсы, которые будут выделяться на развитие в стране науки и высшего образования, скорее всего, будут уменьшаться. Без ресурсов наша система образования и наука в целом, особенно общественные науки, выпадают из приоритета, по крайней мере, с точки зрения бюджетных расходов.

Наука и система образования, безусловно, должны меняться. Но в данном случае я, скорее, пессимист с точки зрения реальной ситуации.

Логунова Лариса Юрьевна. Я согласна с В.В. Чешевым, что нужно начинать с ценностной основы. Все социальные трансформации начинаются с изменения смыслов-ценностей. Реформы – это управляемые или стихийные изменения периферии социальных систем. В сущности это косметические преобразования, не влияющие на ценностное ядро социальной системы. Реформа образования – это модный тренд на изменения чего-либо. Инициаторы реформ – люди, испытывающие эмоциональный голод. Для них реформа – это повод для переживаний с перспективой получения дивидендов материального характера. Переживания новизны у реформаторов создают драму для всех. Высшая форма переживания – это шок. Реформаторы шока боятся, но всегда очень хотят к этому состоянию приблизиться или приблизить к нему всех остальных, а самим понаблюдать за происходящим. Удовлетворение их потребности в переживании – смысл и суть всех реформ. Вот так и поддерживается мода на реформы.

Изменения деперсонализированы, последовательны, основаны на коллективном опыте предшествующих поколений с последующей его трансмутацией согласно теории социолога Михаила Константиновича Петрова. Реформы стремительны. Персоны-реформаторы опыт игнорируют, считая его тормозящим фактором. Реформаторство – это замещение опыта переживанием новизны. Складывается проблема, которую Вальтер Беньямин определил как «кризис опыта»: в быстро меняющейся ситуации опыт не успевает за изменениями. Традиция консервативна, она заземляет любые социальные изменения, но опора исключительно на традиционные формы поведения мешает адаптации к новым реалиям. Реформы актуализируют адаптивные способности, стимулируют процессы разрешения социальных противоречий. Но без опоры на коллективный опыт они наносят травмирующий эффект для всех, кого воронка реформ затягивает.

Но одно дело разрешать реальные противоречия, а другое – быстрая социальная игра на поле притяжения: «а давайте, мы быстро что-нибудь отреформируем» – так запускается процесс футуроархаизации. Для убедительности реформаторского процесса в ценностное ядро социальных систем и институтов внедряется что-нибудь модернизаторское, например,

ген эффективности. Такой генной мутации подвергаются даже институты, которые в принципе не могут быть определены в спектре оценок «эффективный/неэффективный». Миф об эффективном преподавателе – именно миф, потому что он находится в диссонансе со смыслом трансляции знаний. Работа преподавателя несет некий эффект, но социальные эффекты не поддаются квантификации. Поэтому реформаторы не видят рациональности во временных затратах на долгий анализ трансформации и закрепления опыта.

Сформировался целый класс реформаторов, которые реформы иницируют, проводят, переживают, но за успех этих реформ ответственности не несут. Цель реформ – не решение проблемы, цель реформ – провести реформу. Прогнозирую вслед за В.И. Клисториным, что в финале реформы она в целом будет признана удачной, но не полностью, потому что этому процессу всегда что-то мешало. Социального обоснования и понимания того, что произошло, не будет.

На другом полюсе – класс тех, кто подлежит реформированию. Это практически бесправные исполнители. Они вынуждены играть в эту «социальную игру», как ее определил Пьер Бурдьё, под названием «реформирование всего». Поле притяжения сегодня – реформа образования. Здесь реформаторы присваивают себе роль доминирующих игроков, а учителя, ученики, преподаватели и студенты – статисты, мнение которых, согласно правилам игры, не учитывается. Доминирующие действуют внезапно и быстро, от реформируемых требуется только адаптация к хаотическим изменениям процесса реформы. Инициатива или протест караются увольнением, исключением. Протест не вписывается в правила игры, установленные реформаторами. Любое сопротивление коллективного опыта воспринимается ими как вредительство, мешающее воплощению их благородных планов. В эту социальную игру сейчас втягивают всех нас.

На мой взгляд, в этой игре мы можем отказаться от роли статистов, сохраняя и отстаивая свое профессиональное достоинство и смыслы нашего статуса хранителей истинных знаний. Не мантры о повышении статуса учителя петь, но объединять усилия и заявлять о праве на социальную и юридическую защищенность от произвола администрации, учеников, родителей. Сегодня востребовано создание правовой базы такой защищенности. Убийство уважения началось, когда преподавание назвали образовательными услугами. Я отказалась обслуживать студентов знаниями и призываю к этому коллег. Нужна защищенность в особо трудных ситуациях, когда преподавателя выгоняют на пенсию. Нужна пенсионная защищенность – оплата, адекватная пользе, которую принес учитель государству. Нужна не реформа, а осмысление опыта, который мы получили, адаптируясь к разным волнам реформ.

Клисторин. Мне кажется, что использовать термин «реформаторь» в данном случае – это обижать действительных реформаторов. Я очень уважительно относился к Дэн Сяопину и Людвигу Эрхарду, это были реформаторы. Есть прекрасный термин – «административный зуд». Именно это и описывает уважаемая коллега.

Мартишина Наталья Ивановна. Я хотела бы дать маленький комментарий о том, с чего начал круглый стол Олег Альбертович. Буквально только что мы собирали тезисы на студенческую конференцию, и оказалось, что часть этих тезисов создана искусственным интеллектом (ИИ). Мы расспросили студентов, они сказали, что так и есть. Правда, пока заметно различие: описательные тексты ИИ генерирует не хуже среднего студента, а вот проблемы поставить еще не может, достаточно связный текст не получается.

В нынешней реформе образования больше всего меня смущает то, что я не вижу никакой объявленной цели. То есть цель формируется чисто негативно: мы хотим сделать не так, как было раньше, не как у всех, мы хотим утвердить всё хорошее, и мы против всего плохого. Но, возвращаясь к вопросу об эффективности – ее можно оценить, только сопоставив заранее объявленную цель и результат. Если сопоставлять не с чем, то об эффективности реформы мы никак высказаться не можем. При этом игнорируется то обстоятельство, что все частные вопросы вроде срока обучения зависят от того, какова цель обучения. Так, подготовить работника со строго заданным функционалом можно и за 4 года, подготовить активного квалифицированного потребителя можно еще быстрее. А если нам нужны более сложные результаты образования, то сроки должны определяться исходя из этого.

В связи с этим я хотела бы вспомнить о целях образования, которые абсолютно не звучат сейчас. Я таких целей вижу две. Первая цель – системность. Образование должно формировать у человека системные представления о той области, в которой ему предстоит работать. И в некотором смысле это альтернатива его способности быстро набирать и также быстро сбрасывать ту информацию, которая нужна в данный момент. Видение профессионала в любой области отличается от видения того, кто быстро набрал в ней каких-то сведений, как раз тем, что у него есть некая концептуальная сеть, логико-смысловой каркас, на который садится оперативная информация (образование – это то, что у человека остается, когда он забывает всё, чему его учили).

Больше всего формированию такого устойчивого каркаса базовых знаний мешает постоянная перетасовка дисциплин, с которой мы постоянно имеем дело. Сначала в школе, потом в вузе. В советской школе была сформирована цепочка, в которой все предметы вводились в изучение

каждый в свое время. Предметы поддерживали друг друга. Не скажу, что в результате возникало системное виденье мира, но, по крайней мере, для этого были предпосылки. И вспомните, как часто в нашей системе образования выдергиваются одни предметы, срочно включаются другие, предметы двигаются из года в год, из семестра в семестр по каким-то чисто организационным соображениям: не потому, что столько нужно для изучения предмета, а потому, что это соответствует нормативам. Мнение, что компетенцию можно формировать через любые предметы (неважно, что мы будем преподавать, важно, чтобы человек научился тому-то и тому-то), свидетельствует о глубинном непонимании значения системы. Для преодоления этого необходимо вернуться к жесткому каркасу обязательных дисциплин, без которого нельзя стать профессионалом в данной области. И пусть на них уже наслаиваются курсы региональных и прочих компонентов. Внутри таких дисциплин нужен жесткий минимальный набор дидактических единиц, без которых нельзя утверждать, что человек овладел этим предметом, их можно дополнять, и они будут базовыми.

Мне кажется, что если бы что-то конкретное могло быть сделано в рамках очередного переворачивания учебных планов, то это первоочередная задача. Но я пока не вижу, кто бы мог ее решить. Методические объединения или методические советы по дисциплинам, о которых мы давно не слышали? Нет признаков того, что кто-то хотел бы это решать.

Я специально хочу процитировать высказывание руководителя центра обучения и развития Яндекса, менеджера высокого уровня компании, работающей с информацией. В интервью она говорит следующее: «В современном мире не так уж нужно иметь знания, они слишком часто устаревают, их всегда можно приобрести, важны навыки». По-моему, мысль о том, что знания не так уж нужны, для системы образования неприемлема в принципе. Соглашусь с Ларисой Юрьевной, что знания – это то, вокруг чего и должно всё строиться.

Вторая цель, на которую я хотела бы обратить внимание, странным образом сохранилась и выжила, несмотря ни на что. В тех редких случаях, когда людей спрашивают, зачем они хотят получить образование, они, конечно, называют успешное трудоустройство – это цель номер один. Понятно, что карьерный рост и тому подобное – это цель номер два. Но, как ни странно, статистически третьей целью является самосовершенствование и развитие личности. На всех уровнях образования. Есть у меня интересные данные социологического опроса магистрантов, и третий ответ среди них – просто они любят учиться. Они хотели бы приобрести еще знания. Они ценят первые две цели, но действительно считают, что знания – это важно и нужно.

В Федеральном законе «Об образовании» сказано, что целью высшего образования, кроме собственно подготовки высокопрофессиональных кадров, является удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии. Если мы считаем, что такая цель образования тоже может существовать, то у нас меняется весь взгляд на содержательное наполнение образовательных программ. Если человека нужно побыстрее натаскать на выполнение определенного круга обязанностей, то это одна модель. Если же мы считаем, что эта цель должна достигаться, то ему нужно давать базовую общеобразовательную подготовку с учетом возможности смены специализации в своей сфере. И еще вспомнить о том, что человек, который имеет высшее образование, должен демонстрировать достойный уровень грамотности, быть носителем хорошего литературного языка, знать родную культуру, знать основы естественных наук, потому что у нас некоторые люди незнания литературы еще стесняются, а невежественность в области физики или астрономии – это скорее предмет для гордости. Если существует такой социальный запрос, то система образования, будучи социальным институтом с общественно значимыми функциями, должна на этот запрос откликаться.

Я тоже думаю, что всё, что мы скажем, напечатаем в монографии или журнале, будет гласом вопиющего в пустыне. Но мне хотелось бы, чтобы мы, по крайней мере, напоминали о том, что такие цели существуют. Может быть, на этот глас еще кто-то откликнется.

Донских. Эти два момента действительно важны. Я периодически говорю о том, что гуманитарные науки – это те дисциплины, которые формируют человека. Остальные дисциплины формируют уже базу для специалиста. У нас же получилось, что гуманитарные науки – это случайное приложение к этим дисциплинам. Поэтому философию могут сократить, и при этом считается, если этот курс есть, что студенты должны знать полностью всю философию – от Фалеса и до постмодернистов.

Барбашина Эвелина Владимировна. Когда в очередной раз говорят о том, что необходимо формировать некие ценности, у меня мороз по коже. Мы все многократно были свидетелями того, как те или иные ценности у нас формировались. Последняя – это Болонская система, в которую мы так и не вошли. У нее 8 основных признаков, мы кое-как выполнили два. Тем не менее у нас о ее необходимости и ценности писались кандидатские, докторские. И что с ними теперь делать?

В дореволюционной России начиная с гимназии детей учили думать, правильно мыслить. И это не фраза. Они учили логику, риторику, они учились анализировать то, что говорят оппоненты, и т. д.

Уважаемый Владислав Васильевич, если я правильно поняла Ваше выступление, у нас есть самостоятельная традиция, русская философия. Идея общинности, понятно, не архаичная – так всегда было, и далее – по Соловьеву. Это аргумент к авторитету, то, что рационалист не приемлет в аргументации. Если мы уходим в идеологию, то такая позиция имеет право на существование. Но это классический пример некорректно использованной аналогии, когда нарушены все основные требования к аналогии. Не буду продолжать, уйду на позитив.

У меня глубокая уверенность в том, что прежде чем учить философии, гносеологии и другим наукам, необходимо научить детей мыслить, чтобы они знали, что такое тезис, как он аргументируется, что такое индукция, какие бывают виды индукции – это элементарные вещи. Коллеги, мы излагаем курс философии, начиная с Древнего Востока и Древней Греции и далее по выстроенной траектории. Но студенты имена даже запомнить не могут, это такое информирование, за которым они даже не успевают следить. Они не способны выделить основную мысль, не могут проанализировать аргументацию, я не говорю уже о том, чтобы прочесть хотя бы самые легкие философские тексты. А мы грузим их информацией, которая, не будем скрывать, им не особо нужна, и требуем, чтобы они в виде тестов всё это «прорешали». Философия тестов – это нечто абсурдное. Это из серии, в какую ногу был ранен Андрей Болконский: левую, правую или другую?

Вопрос в тесте: «У кого из философов на столе стояли статуэтки Будды и Канта»? Но знание философии и знание про эти две статуэтки – это вообще непересекающиеся вселенные. Пусть они не будут знать про эти статуэтки, но они будут уметь мыслить, уметь формулировать свою мысль, уметь правильно аргументировать и проверять аргументы не только в речи собеседника, но и в том потоке информации, в котором они живут, – это те навыки, которые формируют людей мыслящих.

Есть еще одна реальная проблема. Приходит преподаватель, у него один блок ценностей, он их пропагандирует; приходит другой преподаватель и пропагандирует отличающиеся ценности, я сейчас про социально-гуманитарные дисциплины говорю. И для того чтобы получить зачет, студенты повторяют ценности преподавателя, их проводящего. Они их не сами сформулировали путем рассуждения, размышления, доказательства и сомнения, а просто повторили за преподавателем. Вместо того чтобы учить мыслить честно, самостоятельно, ответственно, причем должна быть личная ответственность за результат мышления, мы толкаем их на не очень правильный путь.

Если кратко сформулировать основной тезис: прежде чем учить чему-то, неважно, ценностям, идеалам, критике и т. д., надо просто научить их мыслить. Но преподаватели и сами должны уметь это делать.

Чешев. Что касается терминов «общинность», «общинный принцип» – это не возврат к патриархальному. Для меня общинность и человечность – вещи тождественные. Еще в русской философии XIX века такие взгляды третировались «прогрессивной общественностью» как некоторая архаика, но я хочу сказать, что за этим скрывается проблема.

Но более важно то, чем формируется мир ценностей и мир мышления. Вообще-то говоря, миром смыслов. Но сегодняшние дети воспитываются культурой, которая не требует мысли. Их просто вынудили к определенному типу поведения. Ребенок принял этот тип и принял соответствующую ценность. Я с детских лет помню рассказ, как криминальный авторитет на улице набирал себе детишек. Он говорил подростку: «Пойди той тетке плюнь в глаза». Если пошел и плюнул – значит, стал своим.

Когда к нам приходят сегодняшние студенты, тех смыслов, которые должна создать философия национальная или вообще какая-то философия, у них просто нет. Потому что их воспитывали в совсем ином материале, который эту культуру ценностей не прививает.

Разумов Владимир Ильич. Сначала два замечания. Если говорить об образовании, то оно имеет два плеча: это дидактика и теория воспитания. Но о теории воспитания мы практически и не говорили, хотя она связана с формированием мышления.

Второе замечание по последнему докладу. Всегда провозглашалось, что нужно формировать творческих и инициативных специалистов. Но сколько таких специалистов нужно? Все ли должны быть такими специалистами? Потому что альтернативой этому выступает не менее известный сейчас тезис о том, что нам нужны квалифицированные потребители.

А теперь я хочу вот какой вопрос задать уважаемой аудитории. Мы же все понимаем, что важнейшей функцией образования является воспроизводство общества, его отдельных социальных групп и личности. Мы часто с такой ностальгией говорим о советском образовании, какое оно было передовое и т. д. Но если оно было таким передовым, то как возможны были все эти пертурбации, которые мы переживаем с конца 80-х?

Реформы должны иметь ясные цели. И тут включается порочный круг: разрабатывать стратегию, программу развития, концепцию для государства и общества должны интеллектуалы. Но интеллектуалы наши, я имею в виду вузовские и академические кадры, ждут от государства, что оно предъявит им программу. Так все ждут, а воз и ныне там. Но у нас сейчас основной стиль управления, и не только в образовании, а вообще в стране, это так называемое ручное управление, которое начинается с самого верха и завершается нами.

Действительно, почему мы не учим детей элементарным вещам? Те же простейшие определения дедукции, индукции, требования к аргумента-

ции, к обоснованию и опровержению. К этому можно добавить и элементарные психофизиологические упражнения. Это способность к релаксации за счет элементарных дыхательных приемов, которым можно научить первоклассника, даже с детского сада это можно делать. Почему-то это не делается.

На что хочу обратить внимание. Есть гуманитарные науки, а есть естествознание, и они разные. Но в русле так называемой инновационной тематики широкое распространение получило понятие «конвергенция технологий». Она выражается в следующих словах: нано-, био-, инфо-, когно- (когнитивные), социо (NBICS)- технологии. И встает пресловутый вопрос: что первично – хайтек или хайхьюмен? У нас гуманитарные дисциплины, даже социально-гуманитарные, недооцениваются. Они в сознании многих соотечественников мало связаны с технологическими моментами, поэтому их можно игнорировать. Например, если перейти от изучения диалектики Инь и Ян китайской философии к тому, как это можно использовать в процедуре закаливания, что я сам на себе и не только на себе испытал и освоил, то получается вполне нормальная технология, и ее можно назвать технологией закаливания. Ее можно масштабировать и т. д. Ведь что такое гуманитарные и социальные технологии? Это те комплексы приемов, которые позволяют делать жизнь человека и общества лучше (скажем, более устойчивым к простудным заболеваниям).

Я в преподавании философии делаю акцент на следующих вещах. Во-первых, я даю отсылку к Насиму Талибу, в частности, к его концепции антихрупкости: если нечто существует достаточно долго, значит, оно обладает особым качеством антихрупкости. И я ставлю вопрос: а почему философия так долго существует? Ее ругают, периодически притесняют, но она существует. И тут я подвожу студентов, они и сами неплохо понимают, что это связано с фундаментальными потребностями человека в абстрактном, в трансцендентном, в экзистенциальном. Потом полезно показывать, а как вообще философствовать о любом предмете. Хоть философия чистоты, хоть философия вакуума. Для этого достаточно взять тот предмет, который мы хотим превратить в предмет философствования, и отнести его к космосу, отнести его к вечности и абсолюту. Вы знаете, идет гораздо продуктивнее, потому что с этого настроения мысли возможны переходы на любые предметные дискуссии. Я в основном работаю со студентами юридического факультета и аспирантами университета, там их удается цеплять за уже конкретный материал на минимальной практике логики рассуждения. Я на своих занятиях по философии использую логику, я говорю учащимся, что лучше вместо рассказа о ком-то из древних мудрецов давайте поучимся рисовать кружочки Эйлера, понятия определять и т. д.

Мы очень часто говорим о кризисе образования. Я по первому образованию врач и знаю, что кризис – это быстрый этап завершения какого-либо процесса. Быстрый. А у нас кризис длится уже полвека, и здесь другие термины нужно использовать: рецессия, стагнация. Экономисты знают эти термины лучше меня.

Я считаю, что недопустимые вещи происходили у нас в управлении образованием. Я назвал это «галоп госстандартов». Ну что это такое – «стандарт ФГОС 3++»? Студент не успеет год отучиться, как катится новая программа. А сколько времени отнимает заполнение этих новых бумажных форм. Мы с Олегом Альбертовичем придумали новую науку – РПД-логию. Можете почитать, по крайней мере, посмеетесь.

На самом деле ветеранам образования можно только вспомнить девиз ордена тамплиеров: делай что должно, и будь что будет.

Донских. Насчет философов. У нас в третьем номере журнала будет одна замечательная картинка: как при Цинь Шихуанди обращались с конфуцианцами. Там теплая, душевная картинка. Для них яму вырыли и складывают их туда. Потому что они мешают обществу, это же очевидно.

Курленя Константин Михайлович. Наш сегодняшний разговор рискует слишком далеко уйти от основной темы дискуссии. Но как бы широко ни ставили вопросы мои коллеги, возвращаться к центральной проблеме – ключевым параметрам реформирования образования – придется.

Во-первых, необходимо понять, кто сегодня главный заказчик образования. Если государство, то оно не может нормально функционировать в идеологическом вакууме. Значит, оно должно насаждать какую-либо идеологию. Если главный заказчик – бизнес, то он будет насаждать не идеологию, а, наоборот, нейтральность к идеологии, то, что у нас давно внедряется под термином «толерантность». Идеологическая нейтральность продвигает только мысли о стяжательстве и нравственной неразборчивости: если выгодно делать бизнес с негодями, это не должно нас останавливать. Такой у нас сегодня выбор: либо сведенный к примитиву безыдейный прагматизм, либо выработка государственной идеологии.

Во-вторых, государство продолжает пилить сук, на котором сидит, настойчиво открывая шлязы для приватизации образования. Вспомните, как в 90-е стимулировались частные инициативы по написанию учебников истории. Когда страна получила первые результаты такого «образовательного плюрализма», органы управления образованием были вынуждены срочно запрещать и убирать эти псевдоучебники. Вспомните период двухтысячных годов, когда у нас стали активно создавать рынок образовательных услуг, и частные вузы росли, как грибы после дождя. Но затем началось внедрение систем оценки качества образования, и частников пришлось закрывать одного за другим – каче-

ство подготовки у большинства из них оказалось ниже всякой критики, а иногда и прямым мошенничеством с продажей дипломов. В итоге никто из крупных игроков в образовательном процессе не готов установить четкие «правила игры», а значит, не хочет подлинного реформирования образования. И сокращение государственных расходов на образование, о котором сегодня шла речь, – это самое очевидное тому доказательство.

В-третьих, государство никак не может расстаться с идеей всенародного согласия по поводу будущего образовательных реформ. Вспомните обсуждения ныне действующего закона об образовании: забалтывание сути и беспредметные дискуссии. В итоге договориться всем и со всеми, как всегда, не удалось. Кстати, бизнес-реформаторы образования уже давно продвигают свои интересы без учета общественного мнения. Всякий консенсус в современных российских условиях будет отнюдь не компромиссом, а жалкой констатацией отсутствия воли к преобразованиям. Таким образом, всё еще популярная идея всенародного консенсуса – очередное доказательство того, что государство по-прежнему стремится ничего не менять.

В-четвертых, попытка приватизировать образование через правовые механизмы государственно-частного партнерства – еще один признак нежелания что-то менять по существу. Государственно-частному партнерству недостает главного – руководящей воли государственных органов. Зато бизнес-реформаторы, стремясь перехватить инициативу, бросают открытый вызов государству, объявляя своей целью борьбу с государственными институтами за господство в образовательном пространстве. Но от государства мы так и не дождались внятной реакции на этот вполне определенный и четкий сигнал, зафиксированный в Форсайте «Образование 2030».

В-пятых, часто предлагаемая бизнесом идея – реформа ради освоения обучающимися некой современной производственной технологии – это еще одно доказательство пассивности государства. Потому что освоение существующих технологий сегодняшнего дня – это всегда отставание. Целью реформы должно быть создание принципиально нового, технологий будущего. Но для этого нужны крупные вложения, которых на сегодняшний день слишком мало, чтобы говорить о них как об основной тенденции в образовательной реформе.

В-шестых, реформу невозможно проводить чужими руками. У нас же то болонские эмиссары, то бизнес-коучи, то цифровизаторы, то банки, то кто-нибудь еще. Должны появиться, наконец, государственные деятели с высокой гражданской позицией, лидеры реформирования. Но таких пока не видно.

В-седьмых, если реформа рассчитана на развитие знаний, то мантра об их устаревании должна быть полностью отброшена. Пора признать, что установка на обучение потреблению тонкого слоя актуальных, но самых поверхностных знаний – это агитация за массовое невежество.

Вывод, который из этого следует: критическая масса проблем, разрешить которые косметическими методами невозможно, по-видимому, еще не накопилась. Пока не придет понимание, что нужно срочно что-то менять, никакого сдвига в области реформирования не будет. Только это будет уже не реформа. Скорее, случится очередная революция, этакая «Кампания по ликвидации безграмотности 2.0». Но в России, похоже, по-другому не бывает. Но вот что меня очень тревожит в этой ситуации: совершенно очевидно, что пути знания и пути власти расходятся, и чем дальше, тем сильнее. Свою элиту власть ищет в других местах, не в университетах, и по другим критериям, не по тем, по которым мы оцениваем своих выпускников. Поэтому знанию и политике, истине и идеологии надо искать пути к интеллектуальному сближению. Видимо, это одна из тех задач, в которой сообщества вроде нашего могли бы сыграть свою положительную роль.

Донских. На самом деле всё это грустно. У нас такое замечательное слово появилось – «бóтан». Тот, кто позволяет себе учиться. Всё время подчеркивают, что у самых успешных людей якобы не было образования: у Билла Гейтса, у ребят из Кремниевой долины и т. д., чтобы показать, что можно быть богатым и успешным, не окончивая вуза. При этом почему-то забывают, что они сотрудничали со Стэнфордом.

Курленя. Вполне уместна одна параллель не в идеологическом, а в ситуативном плане. Вот Октябрьская революция, Гражданская война, разруха, нищета, полная безграмотность – это была та ситуация, когда надо было срочно что-то менять. Тогда появляется и кампания по борьбе с безграмотностью, и реабилитация специалистов, и многие-многие другие вещи.

Черных Сергей Иванович. Я буду говорить именно по Указу Президента РФ от 12 мая 2023 года. Предварительная работа велась в течение года. И когда Указом был подведен итог этой работе, то я ожидал от него очень серьезных вещей. Теперь об этих серьезных вещах. Начну со сроков реализации. Там указано совершенно четко, что реализация будет проводиться 3 года (по меньшей мере, этот знаменитый пилотный проект), и указаны годы: 2023–2024, а потом сразу 2025–2026. То есть один учебный год просто вылетел из сроков реализации – это в президентском Указе!

Второй момент, на который я обратил внимание. Эти 6 пилотных вузов и в советское время имели большой конкурс, отличались устойчивой дидактикой и пользовались колоссальным авторитетом, всегда входили в десятку передовых вузов, начиная с советского периода и заканчивая введе-

нием Болонской системы. Наверное, они в рамках этого пилотного проекта составят какие-то модельки, мягко говоря, удовлетворяющие ту верхушку и тех управленцев, которые потом будут их тиражировать. То есть люди, которые сидят в различного рода регуляторах развития образовательной системы в России, переложили ответственность со своих плеч (потому что сами не могут эту ответственность на себя взять) на конкретные, пусть даже очень почтенные вузы.

Сразу хочу заметить, что сибирский вуз здесь только один. То есть проблема неравенства доуральских и зауральских вузов остается и закрепляется. Это очень нехорошо, потому что среди зауральских вузов есть, например, Дальневосточный университет, в который вкладываются очень большие средства.

Третий момент. В содержании Указа я не увидел ничего, что можно было бы назвать реформой. Это обычное постановление, управленческое решение, причем не очень удачное. Переименовали 3 уровня Болонской системы в 3 других уровня. Формально вроде что-то новое есть. Например, введены термины «базовое высшее образование», «специализированное высшее образование». Но кто знает, что это такое? Меня очень покорило, что аспирантура названа профессиональным образованием. А до аспирантуры о профессионализации образования не было никакой речи?

Дальше пойдем по дидактическим моментам Указа. Этим шести вузам предписано до 30 июня подготовить все необходимые документы. Мыслимое ли дело до 30 июня подготовить все документы, которые потом будут по вузам с авральской скоростью распространяться, и, наверное, с 2023 года уже будет группа других вузов, зависящих напрямую от этих шести. И опять мы погрузимся в огромную авральную работу по переделке всякого рода программ?

Очень насторожил меня и такой момент: названо всё это реформой высшего образования. Но ведь высшее образование зиждется на средней школе, а о ней вообще ничего не было сказано. А между тем давно и неоднократно звучала мысль о том, что нужно и среднюю школу подвергнуть действительному реформированию, которое начиналось бы с педагогического корпуса. Ну, забрали эти 33 педагогических вуза в Министерство просвещения РФ, и что? Это всё настолько улучшит ситуацию, что средняя школа расцветет пышным цветом? Концепция технологического развития, также принятая в мае, смотрится гораздо существеннее.

Очень острая проблема, которая не обозначена в этом Указе, – подушевое финансирование вузов. Что значит магистратура будет разрешена не всем вузам? Ясно, что здесь очередная кастрация нашего бюджета:

нет магистратуры – это (при сохранении подушевого финансирования) снижение выделяемых денег.

Каждый пункт Указа можно комментировать, и положительными эти комментарии не всегда будут. Из чего я делаю вывод: перед нами очередное управленческое решение, которое всесторонне не проработано. Государство должно не перекладывать ответственность на кого-то, а стать действительным субъектом развития образования и проведения образовательной политики, а не политики в области образования. Сегодня, когда речь идет о национальном суверенитете (технологическом, когнитивном, образовательном), нужен новый, полноценный и реализуемый ЗАКОН об образовании.

Донских. Я знаю нескольких людей из нашего педуниверситета и вижу, что там происходит: у них отчетность увеличилась в 2 раза, потому что они должны сейчас отчитываться в два министерства. Пожалуй, это главное, что они все отмечают.

Заякина Раиса Александровна. В действительности сегодня предпринимаются шаги для того, чтобы привязать то, что происходит в высшей школе, к тому, что происходит в школе общеобразовательной. Началось всё с очень «выгодной» идеи: вернуться назад в СССР, потому что советская школа была лучшей. Спекуляция идеологическая, если хотите. Потом был сделан ряд шагов по унификации средней школы в России.

Из последнего: школы получили федеральные рабочие программы по гуманитарному циклу. Существенно переработан образовательный стандарт. Следовательно, в сжатые сроки учителя должны привести в соответствие свои рабочие программы по каждой указанной дисциплине, при том что год назад законодатель принял закон о де бюрократизации учительского труда. Важно, что помимо гуманитарного блока приказ Минпросвещения включил в себя еще и концепцию воспитательной работы, которая перекликается с Указом Президента № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Все вузы, руководствуясь, кроме прочего, и этим указом, разрабатывают сейчас новый курс – «Основы российской государственности». Вот школа в полной мере получила эту эстафетную палочку. Теперь она включает в свои проекты воспитательной работы те же самые пункты, которые включаем мы. Хорошо это или плохо?

Я не склонна драматизировать ситуацию, но здесь важно не замалчивать происходящее. Что мы имеем? Есть попытка развернуть школу в сторону единообразия и фундаментальности. Систему знаний, научное мировоззрение детям формировать нужно. Но непонятно, как это делать, не проработаны механизмы. Пример: Валерий Николаевич Фальков в интер-

вью «Российской газете» сказал: «Надо поработать с рынком труда и работодателями, чтобы квалификационные требования к работникам в отраслях претерпели изменения, и человек, получивший базовое образование (имеется в виду высшее базовое образование), мог комфортно себя чувствовать всю жизнь».

Что значит «поработать с рынком труда», «изменить требования к работнику»? Это базовое образование должно быть годно всю жизнь и не требует каких-то дальнейших векторов развития? Оно должно быть фундаментальным, каким-то общим, как я понимаю. А откуда эта фундаментальность возьмется? Эвелина Владимировна прекрасно задала тон беседе, потому что это берется из общего школьного научения ребенка анализировать, делать выводы, критически и логически мыслить. Должна быть система знаний, общее научное мировоззрение, на котором строится эта фундаментальность.

Почему вдруг именно сейчас фундаментальность знаний стала так важна? У нас десятилетиями взращивался индивидуализм. В школе это портфолио, точечные успехи, ты должен победить в олимпиаде, ты должен принести медаль. То есть нужен быстрый результат, который должен быть замечен. О комплексности знаний, их глубине, о радости познания речи вообще не шло. И вдруг сейчас нам нужна фундаментальность. Видимо, есть запрос от общества и государства, нужны прорывы, результаты, а сделать это без базы, как мы понимаем, невозможно.

Но здесь и другой момент очень важен – воспитательный. Как мы будем преподавать эти «Основы российской государственности»? Мы должны понимать, кто к нам придет. Школьное время упущено, нет системы нравственных качеств, потому что полностью утеряна работа по формированию смыслов, а дети ищут эти смыслы в медиапространстве. У них есть свои герои, и эти герои, к сожалению, не отвечают требованиям сегодняшних реалий. Нет у детей и понимания коллективного блага, привычки взаимодействовать ради общего дела.

Как всегда, поставлены большие задачи. Школа пытается их решать так же, как и высшее образование. По большей части пока всё сводится к производству документов. К сожалению, у нас в школе в упадке работа с личностью, с коллективной идентичностью, с формированием смыслов. Поэтому говорить о том, что мы получим синоминутно какой-то результат образования, воспитания наших детей, который был бы удовлетворителен для университета, чтобы дети приходили с определенным уровнем подготовки и могли бы отвечать требованиям этого базового, фундаментального образования, о котором говорит господин Фальков, не приходится.

Донских. Здесь можно многое еще говорить и по поводу школьного, и по поводу высшего образования, но, я думаю, какие-то главные вехи

были обозначены. С моей точки зрения, получился содержательный разговор. Как видно из выступлений, к сожалению, заявленные преобразования не соответствуют тому, что принято называть реформами. Необходимо четкое определение целей, а не просто констатация, что мы выходим из Болонского процесса (в который мы по-настоящему и не вступали). Также должна быть определена и зафиксирована система дисциплин, формирующих каркас образованной личности. Не только профессиональная составляющая. И здесь свое достойное место должны занимать гуманитарные дисциплины и философия, которые составляют душу культуры. Спасибо большое всем за очень содержательный разговор, всего доброго!

Статья поступила в редакцию 30.05.2023.

Статья прошла рецензирование 12.06.2023.

ROUND TABLE “EXPECTED RESULTS OF EDUCATIONAL REFORM”

Abstract

At the round table, the participants discussed a number of issues concerning the organizational and fundamental aspects of the current educational reform. First, the goal of change is formulated either vaguely or purely negatively. Analysis of the situation shows that none of the major players in the educational process are ready to establish clear “rules of the game” and, therefore, do not demonstrate the enthusiasm to really reform the system of education. Also, analysis of the strategy that defines the direction of the current reform shows that it does not provide the basis for the concentration of resources to solve the problems of education and science, not counting the six universities, which will receive priority funding for the implementation of experimental programs, but it is not commensurate with the level of the challenges facing society in the educational sphere. It is also important to mention the fact that the choice of these universities reinforces the inequality of European and Trans-Ural universities. There is an obvious underestimation of humanities and philosophy. The key question here is whether the educational system should provide systematic knowledge or whether it can be structured to form certain individual competencies. It is also necessary to understand – and this is an extremely important issue – how the educational system should shape the national consciousness. Participants discuss whether it should build an anthropological model of Russian civilizational culture or continue to form individualistic values in the spirit of European rationalism. After all, it is no coincidence that serious worldview problems arose that required new courses at school and the course on “The Fundamentals of Russian Statehood” at institutions of higher learning. The main conclusion to be drawn from the discussion is that the proposed transformations do not correspond to the scale of the necessary reform and will not bring the results demanded by society.

Keywords: educational reform, value bases of culture, national consciousness, humanities disciplines, role of philosophy.

Bibliographic description for citation:

Round table «Expected results of Educational Reform». *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 3, pt. 2, pp. 436–455.

The article was received on 30.05.2023.

The article was reviewed on 12.06.2023.